

обязанные по службе. Император был чрезвычайно мрачен, вид его производил на всех отталкивающее действие; будущее являлось более чем грустным и тревожным.

А.И. Кошелев

КРУЖОК Н. А. ПОЛЕВОГО*

Говоря о тогдашних знакомых и временных неприятелях Николая Алексеевича Полевого, не могу не упомянуть, наконец, о небольшом искреннем кружке знакомых, который образовался около этого времени в нашем доме. Он составиля, большею частью, из молодых людей, пламенно любивших литературу и занимавшихся новым тогда направлением философии.

Из числа их должен я упомянуть прежде, нежели о других, об Иване Васильевиче Киреевском, потому что он был знаком с нами еще прежде издания «Московского Телеграфа». У него не было блестящего дара слова, как у покойного Веневитинова, но необыкновенно логический, твердый ум его способствовал ему быть непобедимым диалектиком. Это особенно обнаружилось в то время, когда в нашем доме явилось несколько молодых людей, только что окончивших университетский курс, страстных последователей и поклонников Шеллинговой философии. Одним из них был Михаил Петрович Розберг. Он окончил университетский курс в 1825 году и тогда же написал и напечатал свою диссертацию об эстетическом развитии греков и римлян. Диссертация его, написанная на латинском языке, была награждена серебряною, а не золотою медалью потому только, что первую награду при-

* *Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого.* СПб., 1888, с. 151—157, 166—167, 177—178, 209—211.

судили одному князю за диссертацию на ту же тему, хотя все знали, что эту диссертацию писал не сам молодой князь, а, по заказу его, кандидат Рожалин, славившийся своими способностями. Такое столкновение не совсем обыкновенных обстоятельств, огласившееся в литературном кругу, и неоспоримое достоинство диссертации г-на Розберга побудили Николая Алексеевича познакомиться с молодым автором, и он нашел в нем то, чего ожидал, то есть человека необыкновенного умом, образованностью и блестящими способностями, к числу которых и тогда принадлежал редкий дар слова. М.П. Розберг вскоре сделался близким нашим знакомым и ввел в наш круг несколько достойных своих товарищей по университету. Назову из числа их Ивана Ивановича Бессомыкина, Ивана Николаевича Камашева и Михаила Николаевича Лихонина. Все мы были тогда молоды, беззаветно любили все, что только относится к просвещению, и с жаром изучали глубокомысленные, но трудные для ясного уразумения книги Шеллинга и его последователей. Такое общее стремление чрезвычайно сближает людей, особливо молодых, бескорыстно преданных изысканию истины. Прибавьте к этому тогдашнее направление европейской литературы, восторг, с каким читали тогда бессмертные создания великих современных писателей — Байрона, Вальтера Скотта, Гёте, Томаса Мура и многих достойных их последователей и соревнователей; вспомните, что тогда началась новая жизнь во французской литературе, что все благородные стремления воскресали и развивались с необычайной силою, и вы согласитесь, что было о чем побеседовать и поспорить в искреннем кругу молодым людям, больше жившим идеальной жизнью. В самом деле, никогда не бывало между нами речи о современных сплетнях, о спекуляциях на литературу и жизнь, ни даже о том, как *сделать*

свою карьеру. Никто и не думал, что он будет и как пойдет по тернам жизни. Зато умственная, идеальная жизнь, исследование вечных задач мира были в полном разгаре. Но в то время, которое описываю я, особенно занимала всех и была предметом жарких суждений немецкая философия. Хотели объяснить себе ее положения и применения, потому что философия дает взгляд на все и отражается во всех действиях человека. Соглашавшаяся в общих положениях и выводах Шеллинговой философии, не всегда соглашались в подробностях, и это было поводом к бесконечным спорам. Тут-то в первый раз показал вполне и свой сильный ум, и свою диалектическую способность Иван Васильевич Киреевский. *C'était un fort joueur!* С ним особенно состязался М.П. Розберг, достойный его соперник в диалектике и в слове. Помню, что раз как-то вечером, завязался спор, не кончившийся до глубокой ночи, и, чтобы окончить его, согласились собраться на другой день у Киреевского. На другой день явились там все спорившие, но жаркое состязание длилось до того, что, наконец, Розберг, усталый, утомленный, переменявшийся в лице от двухдневного спора, с глубоким убеждением и очень торжественно произнес, обращаясь к Киреевскому:

— Я не согласен, но спорить больше нет сил у меня!

Чтобы кончить речь о тогдашних наших философских беседах, где была и примесь комизма в подробностях, я должен упомянуть еще об одном лице, некоторое время участвовавшем в общих спорах о философии. Не помню, каким образом познакомился с нами Дмитрий Потапович Шелихов, который был известен как стихотворец, как переводчик отрывков из «Энеиды», как член Общества любителей российской словесности, где он мастерски читывал стихи, потому что был одарен прекрасным органом и чистым произноше-

нием, притом был красавец. Он казался еще молодым человеком, хотя участвовал в войне против французов и находился в отставке, кажется, в чине полковника гвардии. Никто и не подозревал, что он был пламенный последователь философии Шеллинга или, по крайней мере, представлялся таким. Вообще, я и теперь не могу дать себе верного отчета, что за человек был он.

Новый взгляд, бывший следствием знакомства Николая Алексеевича с философией Шеллинга, выражался в «Московском Телеграфе» с самого начала этого журнала. В следующий год там было довольно статей, может быть, даже излишне проникнутых новою тогда философиею; но журнальная сметливость издателя была такова, что он никогда не увлекался в однообразное направление, всегда имея в виду общность своих читателей. Все части шли ровно в его журнале. После описанного мною можно было бы подумать, что философия должна была преобладать в «Московском Телеграфе». Но там выражалась она только в направлении статей, во взгляде, и никогда не вытесняла других частей просвещения.

Князь П.А. Вяземский не только оставался постоянным сотрудником «Московского Телеграфа», но и оказывал постепенно более деятельности в участии своем по журналу. Он писал для него много сам, доставлял статьи знакомых ему литераторов и оказывал издателю искреннюю приязнь, ободрял, поощрял его к труду и был лучшим советником в затруднительных случаях.

Неизменный в чувствах дружбы, князь Вл.Ф. Одоевский хотя почти вовсе не участвовал в нашем журнале, но отношения его к Николаю Алексеевичу оставались прежние. Он был приятнейшим гостем его и часто про-

водил с ним время, не обращая внимания на внушения школьных своих товарищей, которые сделались врагами или недоброжелателями Н.А. Полевого.

Не называю еще нескольких человек, которые уже давно сошли со сцены мира, но тогда были близкими людьми к моему брату. Казалось, что восставшая против него литературная буря только увеличила их участие к нему, и они, видя правоту на его стороне, делались тем более жаркими его защитниками. К этому же времени относится первоначальное знакомство и вскоре искреннее сближение Николая Алексеевича с двумя достопамятными и славными писателями. Это были: знаменитый польский поэт Мицкевич и необыкновенный своею судьбою, один из лучших поэтов своего времени, Евгений Авраамович Баратынский.

Как можно видеть из моего рассказа, наше тогдашнее общество составляли люди вообще необыкновенные, так что редко можно встретить подобное избранное соединение людей в светских гостиных, где гости собираются, как на службу, для исполнения определенных обязанностей, с известными правами и условиями. Не удивительно, что Мицкевич, Баратынский и несколько других лиц, не столь громко известных, но вполне достойных быть их собеседниками, собирались в небогатом домике, где жил Николай Алексеевич, и проводили у него вечера, а иногда и целые дни. Причисляю эти дни к приятнейшим в моей жизни потому именно, что только счастливое стечение обстоятельств могло соединить столько избранных людей. Чего не было тут переговорено! Какие вопросы не были предметом суждений! Сколько оригинального, умного, высокого было сказано!

Пушкин и его сотрудники бывали у Н.А. Полевого и при встрече казались добрыми приятелями. Весною 1827 года, не помню по какому случаю, у брата был литературный вечер, где собрались все пишущие друзья и недруги; ужинали, пировали всю ночь и разъехались уже утром. Пушкин казался председателем этого сборища и, попивая шампанское с сельтерской водой, рассказывал смешные анекдоты, читал свои *непозволенные* стихи, хохотал от резких сарказмов И.М. Снегирева, вспоминал шуточные стихи Дельвига, Баратынского и заставил последнего припомнить написанные им с Дельвигом когда-то рассказы о житье-бытье в Петербурге. Его особенно смешило то место, где в пышных гекзаметрах изображалось столько же вольное, сколько невольное убожество обоих поэтов, которые «в лавочку были должны, руки держали в карманах (перчаток они не имели!)»...

Глядя на пирующих вместе образованных, большею частью любезных людей, кто подумал бы, что в душе многих из них таились мелкие страстишки и ненависть к тому, у кого они пировали? Только «приличия были *спасены*», — если позволят употребить здесь выразительный французский идиотизм.

Весною того же года Пушкин спешил отправиться в Петербург, и мы были приглашены проводить его. Местом общего сборища для проводин была назначена дача С.А. Соболевского, близ Петровского дворца. Тогда еще не существовало нынешнее Петровское, т. е. множество дач, окружающих Петровский парк, также не существовавший: все это милостивое предместье Москвы явилось по мановению императора Николая около 1835 года. До тех пор, вокруг *исторического* Петровского дворца, где несколько дней укрывался Наполеон от московского пожара в 1812 году, было несколько старинных, очень незатейливых дач, стоявших от-

дельно одна от другой, а все остальное пространство, почти вплоть до заставы, было изрыто, заброшено или покрыто огородами и даже полями с хлебом.

В эту-то пустыню, на дачу Соболевского, около вечера, стали собираться знакомые и близкие Пушкина. Мы увидели там Мицкевича, который с комической досадою рассказывал, что вместе с одним товарищем он забрался в Петровское с полудня, надеясь осмотреть на досуге достопамятный дворец и потом найти какой-нибудь приют, или хоть трактир, где пообедать. Но дворец, тогда только снаружи покрашенный*, внутри представлял опустошение; что же касается до утоления голода, который, наконец, стал напоминать Мицкевичу об обеде, то в Петровском не оказалось никаких пособий для этого: в пустынных дачах жили только сторожа, а трактира вблизи не было. В таком отчаянном положении Мицкевич увидел какого-то жалкого разносчика с колбасами, но когда поел колбасы, то весь остальной день мучила его жажда, хотя желудок был пуст. Он так уморительно рассказывал все эти приключения, что слушавшие его не могли не хотеть, а гостеприимный хозяин дачи спешил восстановить упавшие силы знаменитого литвина. Постепенно собралось много знакомых Пушкина, и уже был поздний вечер, а он не являлся. Наконец приехал Александр Михайлович Муханов — против которого написал свою первую критическую статью Пушкин, вступившийся за *m-me Staël* — и объявил, что он был вместе с Пушкиным на гулянье в Марьиной роще (в этот день пришелся семик) и что поэт скоро приедет. Уже поданы были свечи, когда он явился, рассеянный, невеселый, говорил не улыбаясь (что всегда показывало у него дурное расположение) и тотчас после ужина заторопился ехать. Коляска его была подана, и он,

* [Кажется, один нижний этаж был отделан наскоро.]

почти не сказавши никому ласкового слова, укатил в темноте ночи. Помню, что это произвело на всех неприятное впечатление. Некоторые объясняли дурное расположение Пушкина, рассказывая о неприятностях его по случаю дуэли, окончившейся не к славе поэта. В толстом панегирике своем Пушкину г-н Анненков умалчивает о подобных подробностях жизни его, заботясь только выставить поэта мудрым, непогрешительным, чуть не праведником*.

Из всего рассказанного здесь мною видно, однако же, что Пушкин действовал в отношении к моему брату неприязненно и, вольно или невольно, повредил ему во многом. Конечно, в его воле было затеять свой журнал, но уже одно то, что он не присоединился к «Телеграфу», вдруг переменял свой образ мыслей о нем и стал постоянно отзываться как о ловком шарлатанстве, — это уже не могло не повредить Н.А. Полевому и усилило неприязненные действия его противников**.

К. А. Полевой

* Автор имеет в виду изданные *П.В. Аппенковым* в 1855 году сочинения А.С. Пушкина, преимущественно первый том — Материалы для биографии А.С. Пушкина.

** Известно мнение Пушкина о деятельности Полевого как издателя «Московского Телеграфа», в связи с закрытием журнала в 1834 году: «Жуковский говорит: «Я рад, что «Телеграф» запрещен, хотя жалею, что запретили. «Телеграф» достоин был участи своей; мудрено с большей наглостию проповедывать якобинизм перед носом правительства; но Полевой был баловень полиции. Он умел уверить ее, что его либерализм пустая только молва» (Дневник Пушкина, под ред. *Б.Л. Модзалевского*. М. 1923, с. 12). О Н. Полевом см. «Былое и думы» *А.И. Герцена*, ч. I, гл. VI—VII. Важно признание близкого к нему Максимовича М.А. (см. письма *М.П. Погодина* к *С.П. Шевыреву* с введением и историко-литерат. объяснениями Н.П. Барсукова в «Русском Архиве» 1882, № 6, с. 184—185; по ср. «Русск. Старина» 1904, август, с. 420 (письмо *М.П. Розберга* от 31 марта 1846 года к *В.Ф. Одоевскому*). Враждебен голос *С. Шевырева* в его дневнике 19 окт. 1830 г. «Известия одесского библиографического общества», т. II, выпуск II, с. 53.